

Полицейская стража: несостоявшийся проект

Александр КИСЕЛЕВ,
кандидат исторических
наук, доцент

Польское восстание 1863–1864 годов поставило местные власти перед необходимостью реорганизации полиции в белорусских губерниях. Эти преобразования были особенно необходимы в отношении земской или уездной полиции, поскольку последняя оказалась совершенно неспособной пресечь формирование и деятельность повстанческих отрядов.

Польские повстанческие партии появились именно в сельской местности «вдали от городов, где, пользуясь слабостью надзора уездной полиции, успевали образовывать из себя более или менее значительные скопища» [1, л. 314]. Причина этой слабости заключалась в целом ряде недостатков организации уездных полицейских управлений: от характера личного состава чиновников до малочисленности штата уездной полиции. (Согласно штатам от 17 февраля 1863 года, во всех 48 уездных полицейских управлениях Виленской, Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской губерний насчитывалось всего 564 чиновника, включая все должностные категории: от исправников до регистраторов.)

В частности, еще накануне и во время самого восстания высказывались небезосновательные опасения в отношении политической лояльности чинов уездной полиции. В своем рапорте от 16 января 1863 года жандармский штаб-офицер по Виленской губернии подполковник А.М. Лосев предположил, что полицейские чиновники-поляки «скорее будут агентами мятежников, нежели правительства» [2,

с. 104]. Сообщая о появлении в Виленской губернии повстанческих отрядов, в донесении от 29 января 1863 года А.М. Лосев утверждал, что «правительству рассчитывать на верность полиции положительно невозможно, ибо нельзя допустить, чтобы она, пред глазами которой составляются шайки мятежников, не знала и не могла бы предварительно доносить о том начальству» [3, с. 490–491]. В своем рапорте от 26 апреля 1863 года жандармский штаб-офицер полковник Б.К. Рейхарт писал о том, что повстанцы хорошо осведомлены о нехватке войск в Минской губернии. Эта информированность обусловлена тем, что «во всех присутственных местах и канцеляриях они имеют своих агентов между служащими, которые большею частью поляки, а главное неудобство при теперешних обстоятельствах оказывается то, что полиция городского и земская, без малого изъятия, состоит из католиков» [3, с. 516]. Характеризуя ситуацию в Белостокском уезде Гродненской губернии 29 мая 1863 года, жандармский офицер майор С.И. Штейн обратил внимание на отсутствие сведений о повстанческом движении от чинов полиции. По его словам, «чиновники земской и городской полиции большей частью из здешних уроженцев, до ныне мало содействовали к открытию злоумышленников», поскольку некоторые из них «увлечены общим в здешних местах сочувствием к восстанию» [3, с. 527]. В отчете витебского губернатора В.Н. Веревкина о событиях в пределах губернии заявлялось, что «весь состав полиции того времени, сформированный почти преимущественно из одних католиков, значительно способствовал к постоянному закрытию

ОБ АВТОРЕ

КИСЕЛЕВ Александр Александрович.

Родился в 1976 году в г. Минске. Окончил исторический факультет Белорусского государственного университета (1999), аспирантуру БГУ (2002). С 2002 по 2004 год проходил службу в органах внутренних дел. С 2004 года на преподавательской работе, доцент кафедры социальных наук Военной академии Республики Беларусь. Внештатный сотрудник Центра евразийских исследований РГСУ (филиал в г. Минске).

Кандидат исторических наук (2003), доцент (2007).

Автор более 50 научных публикаций, в т.ч. 1 монографии.

Сфера интересов: история полицейских структур МВД, история общественно-политической мысли XIX – начала XX века.

виновных, а в случаях, когда действия крамольников и обнаруживались, то факты представляемы были не в надлежащем их значении» [3, с. 483]. Сомнения в лояльности престолу уездной полиции разделял и виленский генерал-губернатор В.И. Назимов. В отношении главы МВД от 23 февраля 1863 года он писал, что полиция, подчиненная власти военных начальников, «поставлена в необходимость действовать согласно с распоряжениями начальства и преследовать злоумышленников, но за всем тем, сочувствуя стремлениям своих соотечественников-поляков, она не упускает удобного случая, чтобы способствовать им всеми зависящими от них мерами укрываться от преследования правосудия» [4, с. 297].

Вместе с тем местная высшая бюрократия, несмотря на свои подозрения в адрес чиновников-католиков, понимала, что пассивность полиции обусловлена не столько всеобщим сочувствием идеалам восстания, сколько беззащитностью чинов полиции перед террором повстанцев и слабостью наличных полицейских сил. Так, инструкция Временного провинциального правительства Литвы и Белоруссии командирам повстанческих отрядов (не позже 27 февраля 1863 года) прямо предписывала уничтожить «московскую полицию» «всеми способами» [2, с. 9]. Повстанцы раздавали приказы о «том, чтобы становые приставы, ключвойты и другие чиновники полиции, в службе русской состоящие, вышли в отставку, в противном случае будут наказаны» [2, с. 129]. Дело не ограничивалось одними угрозами. Чины полиции становились жертвами террора со стороны повстанческих партий. В ночь с 10 на 11 апреля 1863 года в заштатном городе Брянске Бельского уезда (Гродненская губ.) был повешен становой пристав Курганович [4, с. 375]. 8 февраля 1863 года в Пинском уезде Минской губернии отряд численностью приблизительно в 50 человек, «встретив в имении Невеле пятисотского Бараневича, повесили его на дереве, потом, сняв и посадив на льду полумертвым, дали в него четыре выстрела» [3, с. 494]. В рапорте начальника штаба 2-й дивизии от 2 марта 1863 года упоминается о том, что «Начский тысяцкий был повешен в лесу» [5, с. 78] повстанческим отрядом (Лидский уезд). В рапорте командира лейб-гвардии Москов-

▲ Картина «Бой с польскими повстанцами в 1863 году»

ского полка от 12 мая 1863 года сообщается, что в Троцком уезде повстанческая партия угрожала «смертью всем должностным лицам, честно и добросовестно исполняющим свой долг», и «повесила пятисотского местечка Гапутишек» [5, с. 164]. В отчете шефа III Отделения о ходе восстания в Могилевской и Витебской губерниях также говорилось о фактах «самых безобразных злодеяний, которых жертвами сделались многие преданные правительству лица, в том числе священники, чиновники земской полиции, крестьяне и попадавшие в плен военные» [3, с. 495]. 12 апреля 1863 года виленским генерал-губернатором В.И. Назимовым был даже издан специальный циркуляр, который предписывал налагать контрибуцию на население поселений и местечек, где будут убиты «мятежниками чиновники земской полиции» [4, с. 391]. В записке виленского военного начальника генерал-губернатору В.И. Назимову от 7 мая 1863 года констатировалось, что «ста-

новые квартиры и земские почты предоставлены на произвол инсургентам и, опасаясь мести, становые приставы парализованы в своих действиях и даже при редком усердии, как они, так и уездная полиция, вообще должны ограничиваться пассивным донесением о случившемся и то едва ли не с разрешения самих инсургентов» [5, с. 151]. На подавленность чинов полиции указывал и брестский военный начальник, когда в рапорте от 30 июня 1863 года писал о том, что от «полицейских служителей, по страху на них наведенному, сведения получать почти нет никакой возможности» [5, с. 245]. Начальник IV округа Корпуса жандармов, докладывая 8 мая 1863 года о положении в крае, констатировал, что «земская полиция, можно сказать, не существует более: она поражена ужасом от внезапного появления мятежников на пунктах, где их вовсе не ожидают и где они оставляют следы вопиющих злодеяний» [3, с. 518–519].

В этих условиях одним из направлений по преобразованию уездной полиции в бе-

лорусских губерниях стала подготовка к введению конной полицейской стражи. Принципиальная возможность создания стражи предусматривалась «Временными правилами об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых» от 25 декабря 1862 года [6]. Показательно, что изначально в белорусских губерниях создание этого полицейского института не предполагалось. Однако польское восстание заставило власти приступить к организации полицейской стражи, причем инициатива в этом направлении принадлежала МВД. В отношении министра внутренних дел П.А. Валуева от 17 февраля 1863 года виленскому генерал-губернатору В.И. Назимову рекомендовалось представить соображения об учреждении конно-полицейской стражи в белорусских губерниях. Уже к 9 марта 1863 года проект по введению конной полицейской стражи в Виленской, Гродненской, Ковенской и Минской губерниях был разработан и направлен губернаторам. В проекте предлагалось учредить при каждом исправнике по 12, а при каждом становом приставе по 6 конных вооруженных стражников. Помимо полицейской службы, стражникам предстояло дополнительно исполнять обязанности по доставке земской почты, развозить командируемых чиновников. Их планировалось вооружить шашками и пистолетами и комплектовать отставными нижними чинами православного вероисповедания из полков, расквартированных в Виленском военном округе. При каждом управлении и становой квартире полагалось содержать по паре подвод и саней для перевозки людей и почты. По мнению авторов проекта, устройство конной полицейской стражи принесет улучшение по нескольким позициям. Местные жители освободятся от подводной повинности и расходов на содержание тысяских и пятисотских, т.е. нижних чинов уездной полиции. Нужда в последних отпадет, поскольку становые приставы в лице чинов полицейской стражи получат надежных исполнителей, которые смогут напрямую доставлять приказы волостным старшинам. Военные смогут освободить казаков от несения полицейской службы. Интересно, что необходимость введения полицейской стражи понималась и военными. Так, виленский военный начальник констати-

▼ Фотография польских повстанцев-косинеров. 1863 год

ровал, что уездная полиция, «не имея в своем распоряжении ни предполагаемой конной стражи, ни даже нескольких казаков, не в состоянии препятствовать явному вербованию шаек без всякого уже стеснения, самым наглым насилием, ничтожной горсти мятежников» [5, с. 151].

Виленский губернатор М.Н. Похвиснев поддержал проект о введении конной стражи, заметив, что «по неимению конной команды, исправник и становые приставы лишены возможности исполнять свои обязанности с надлежащей для полиции быстротой». Интересно, что при этом губернатор ссылался на пример полицейской организации в государствах Западной Европы. По его словам, «конная команда даст... средства, которые предоставлены полицейской власти во всех благоустроенных государствах – преследовать вредных и подозрительных людей, принимать действительные меры к подавлению в самом начале всяких беспорядков и в случае нужды доставлять без замедления высшему начальству экстренные донесения» [7, л. 76]. Личный состав полицейской стражи в Виленской губернии должен был насчитывать 208 чинов.

12 апреля 1863 года гродненский губернатор И.В. Галлер в ответ на запрос о необходимости конной стражи сообщил, что «полагал бы крайне нужным учредить» ее «по крайней мере, в пяти уездах, сопредельных с Царством Польским» [7, л. 38]. При ее комплектовании губернатор категорически настаивал на необходимости набора стражников исключительно из бессрочно отставных или отпускных нижних чинов русской армии. Стражу общим количеством 5 урядников и 117 рядовых нижних чинов предполагалось учредить в Гродненском, Сокольском, Белостокском, Брестском и Бельском уездах.

В пользу проекта высказался и минский губернатор А.Л. Божевников, предложив ввести в губернии стражу в составе 39 урядников и 249 рассыльных.

Аналогичное обращение министра внутренних дел П.А. Валуева получили губернаторы Могилевской и Витебской губерний. 14 мая 1863 года в МВД с представлением об учреждении конной полицейской стражи обратился могилевский губернатор А.П. Беклемишев. Он мотивировал необходимость введения стражи тем, что «со-

стоящие ныне полицейские служители при земских полициях... далеко не соответствуют своему назначению» [7, л. 30]. В этих условиях чины конной полицейской стражи «будут почти единственные исполнители распоряжений полиции, от которых можно будет требовать в известной степени быстроты и распорядительности в действиях» [7, л. 30]. В зависимости от положения дел в уезде составителями проекта предполагалось распределить чины стражи в следующем составе: в Рогачевском уезде – 10, в Гомельском – 8, в Горецком и Чаусском – по 4, а в остальных – по 6 человек. Во главе каждого отряда должен был находиться унтер-офицер, за исключением лишь Чаус и Горок, где было бы достаточно ефрейтора. С учетом малочисленности стражи (68 человек) ее формирование должно было осуществляться на таких же принципах, что и комплектование жандармских команд. На вооружение каждого конного стражника выделялся бы револьвер и шашка казачьего образца.

5 апреля 1863 года по вопросу о введении конной стражи высказался и витебский губернатор А.С. Оголин. Он предложил создание конной стражи общим количеством 159 стражников, причем их численность при каждом полицейском управлении ставилась в зависимость от площади уезда. После организации стражи следовало отказаться от использования при служебных разъездах чинов полиции подвод и лошадей населения, содержания при управлениях рассыльных и перепоручить страже развоз земской почты. Это позволяло как изыскать средства на содержание стражников, так и избежать конфликтов между чиновниками и жителями уезда на почве исполнения последними подводной повинности. Комплектование стражи поручалось исправникам из числа отставных или бессрочно отпускных нижних чинов армии. Блюстителей порядка предполагалось вооружить револьверами.

После назначения виленским генерал-губернатором М.Н. Муравьева работа над проектом продолжилась, и от начальников губерний потребовали дополнительных разъяснений. Так, 9 июня 1863 года могилевский губернатор А.П. Беклемишев предложил скорректировать свой первоначальный план реформы полицейской стражи от 14 мая 1863 года. Он отметил, что прежний штат составлялся без учета масштаба поль-

▲ Медаль «За усмирение польского мятежа 1863–1864 гг.»

ского восстания. В связи с этим он предлагал при каждом управлении содержать 4 стражников во главе с унтер-офицером, а при каждом станоме – 2 стражников. Всего получалось 125 человек в составе конной стражи.

В ответ на обращение генерал-губернатора витебский губернатор В.Н. Веревкин в рапорте от 3 июля 1863 года отметил, что при каждой становой квартире 7 уездов губернии полагалось бы разместить по 3 стражника, а в остальных – по 2. Минский губернатор А.Л. Божевников 28 июня 1863 года представил свой проект, согласно которому при каждом полицейском управлении следовало содержать 1 урядника и 11 рассыльных, а при каждом станоме – 1 урядника и 5 рассыльных [7, л. 61].

К осени 1863 года губернаторские предложения были обобщены и изложены в специальной записке «О конной полицейской страже в губерниях Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской, Могилевской и Витебской» [7, л. 71–92]. В этом документе предлагалось учредить стражу в количестве 1700 нижних чинов во всех 55 уездах губерний Северо-Западного края. В зависимости от обстоятельств в каждом из 35 уездов предполагалось назначить по 20 стражников, в 10 – по 30, еще в 10 – по 40 нижних чинов и в оставшихся 10 – по 50 стражников. Распределение полицейской стражи между губерниями являлось прерогативой генерал-губернатора, между уездами – губернатора и станами – исправников. На первое время рекомендовалось комплектовать стражу по образцу жандармских команд. Однако в последующем следовало перейти к вольному найму, отдавая

предпочтение отставным нижним чинам кавалерийских полков, имеющим аттестации от командиров эскадронов. Расход на содержание одного стражника определялся в 200 рублей в год с тем, чтобы искомая сумма взималась с местного населения в рамках земского сбора. Бесплатное вооружение чинов полиции планировалось поручить военному ведомству. Первоначальные средства на организацию стражи предполагалось получить от государственного казначейства, но с постепенным возвращением позаимствованной суммы. Поскольку земская почта упразднялась, то расходы на ее содержание обращались в пользу полицейской стражи.

Однако этот проект остался без последствий, а вместо полицейской конной стражи 27 ноября 1863 года были учреждены уездные жандармские команды [8]. Виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев полагал, что эти команды составили «самую деятельную и благонамеренную, в видах правительства, полицию, в роде Mavéchaussé во Франции, окончательно послужили к умиротворению края» и «успели заслужить доверие населения, так что сами крестьяне приходили заявлять им о тайных ковах и укрывательстве мятежников» [9, с. 506]. Однако представляется, что появление жандармов вместо конной полицейской стражи оказалось худшим решением. Вместо реформы уездной полиции была создана структура, выведенная из ее подчинения. Согласно инструкции, жандармам запрещалось «вмешиваться в обыкновенные гражданские дела, которые идут своим порядком через уездные и городские полиции» [10, с. 160]. Их компетенция ограничивалась только «политическо-административными делами», т.е. преимущественно политическим сыском. Правда, указывалось, что жандармские команды «составляют главную помощь земской полиции к охранению в городах и уездах порядка, к задержанию преступников, бродяг, беглых и вообще вредных людей, а также к предупреждению могущих образоваться в лесах и иных удобных для укрывательства местах разбойничьих шаек и мятежных банд» [10, с. 160]. В результате жандармы могли от случая к случаю лишь оказывать помощь полиции, когда ее чиновники нуждались в вооруженной силе. Такая поддержка имела ограниченное значение

ГДЕ КУПИТЬ ЖУРНАЛ?

ЖУРНАЛ «БЕЛАРУСКАЯ ДУМКА» ПРОДАЕТСЯ

Минск

Брестская область: Барановичи, Брест, Пинск

Витебская область: Бегомль, Витебск, Глубокое, Городок, Докшицы, Лепель, Орша, Полоцк, Поставы

Гомельская область: Гомель, Житковичи, Жлобин, Калинковичи, Мозырь, Речица, Рогачев, Светлогорск

Гродненская область: Гродно, Кореличи, Новогрудок

Минская область: Борисов, Вилейка, Марына Горка, Молодечно, Слуцк, Солигорск

Могилевская область: Бобруйск, Глуск, Горки, Кировск, Могилев, Осиповичи, Чериков, Шклов

и не могла заменить чинов полицейской стражи. Более того, по словам члена совета МВД В.К. Ржевского, инспектировавшего Могилевскую губернию в 1867 году, между полицией и жандармскими командами складывались конфликтные отношения в силу «не понимания взаимных отношений и собственных обязанностей» [11, л. 363]. В своих воспоминаниях П.А. Черевин раскрыл причины конфликта, заметив, что уже «в конце управления краем М.Н. (Муравьева. – Прим. авт.) и в бытности генерал-губернатора генер.-фон-Кауфмана уездные команды отделились от своего прямого назначения: не обращая внимания ни на панов, ни на ксендзов, они исключительно занялись донесениями о том, что такой-то становой пьет, что такой-то исправник взятки берет» [12, с. 57].

Таким образом, успех польских повстанческих отрядов в белорусских губерниях отчасти объясняется тем, что российские власти в силу особенностей полицейской организации не располагали силами, которые позволили бы эффективно бороться с этими незаконными вооруженными формированиями. Кроме того, на деятельности полиции отражалось сочувствие национальным идеалам польского восстания со стороны некоторых местных чиновников, преимущественно католического вероисповедания. Вместе с тем главная причина несосто-

тельности уездной полиции заключалась в недостатках организационно-штатной структуры полицейских управлений и терроре, которому подвергались чины полиции со стороны повстанцев. Одним из средств по усилению полиции стал проект по введению конной полицейской стражи. Однако вместо полицейской стражи по инициативе виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьева в белорусских губерниях появились уездные жандармские команды. Несмотря на кажущийся эффект от такого решения, выгода на самом деле оказалась иллюзорной, поскольку конная полицейская стража была более приспособленной для повседневной полицейской службы, чем ориентирующиеся преимущественно на политический сыск жандармы. ─

◀ М.Н. Муравьев

ЛИТЕРАТУРА

1. Об устройстве полиции в городах и уездах // Литовский государственный исторический архив (ЛГИА). – Фонд 378. – Оп. 1863. – Д. 18.
2. Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864 гг.: материалы и документы / гл. ред.: С. Кеневич. – М.: Наука, 1965. – 586 с.
3. Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах / Акадэмія навук БССР, Інстытут гісторыі. – Менск: Выд-ва Акадэміі навук БССР, 1936–1954. – Т. 2: (1772–1903 гг.) / пад рэдакцыяй Н.М. Нікольскага, Д.А. Дудкова, І.Ф. Лочмеля. – 1940. – 938 с.
4. Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Ч. 1: Переписка по политическим делам гражданского управления с 1 января 1862 г. по май 1863 г. / сост. А.И. Миловидов. – Вильна: Губ. тип., 1913. – 464 с.
5. Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Ч. 2: Переписка о военных действиях с 10 января 1863 г. по 7 января 1864 г. / сост. и предисловие А.И. Миловидова. – Вильна: Губ. тип., 1915. – 466 с.
6. Высочайше утвержденные Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). – Собр. 2-е. – СПб., 1830–1884. – Т. 37. – № 39087. – 1865.
7. Об устройстве конной земской стражи // ЛГИА. – Фонд 378. – Оп. 1863. – Д. 172.
8. Высочайше утвержденное Положение о временном учреждении жандармских команд в губерниях: Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской, Могилевской и Витебской // ПСЗРИ. – Собр. 2-е. – СПб., 1830–1884. – Т. 38. – № 40321. – 1866.
9. Всеподданнейший отчет графа М.Н. Муравьева по управлению Северо-Западным краем (с 1 мая 1863 г. по 17 апреля 1865 г.) // Русская старина. – 1902. – № 6. – С. 487–510.
10. Сборник распоряжений графа Михаила Николаевича Муравьева по усмирению польского мятежа в северо-западных губерниях 1863–1864 / Сост. Н. Цылов. – Вильна: Тип. А. Киркора и бр. Роммов, 1866. – 385 с.
11. Рапорты чиновников МВД П.А. Валуеву с приложением записок, ведомостей и других материалов об экономическом и политическом положении в Виленской, Витебской, Минской, Могилевской и Подольской губерниях по сравнению с положением в них в 1862 г. (по программе предложенной МВД); записки с изложением суммарных сведений из донесений // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Фонд 908. – Оп. 1. – Д. 279.
12. Черевин, П.А. Воспоминания П.А. Черевина. 1863–1865 гг. / П.А. Черевин. – Кострома: Тип. «Северный рабочий», 1920. – 76 с.